

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК В ВАВИЛОНЕ

Во главе своего каравана гордо ехал Шарру Нада, король среди вавилонских торговцев. Ему нравились красивые ткани, он носил богатые и нарядные одежды. Он любил красивых животных и величественно восседал на резвом арабском скакуне. Глядя на него, трудно было догадаться, что он уже в преклонных годах. И, конечно, никто бы не подумал, что на душе у него беспокойно.

Путь из Дамаска неблизкий, а трудностей в пустыне множество. Но не это его беспокоило.

Арабские племена свирепы и стремятся разграбить богатые караваны. Их он не боялся, ведь

его многочисленная конная охрана была надежной защитой.

Он волновался из-за ехавшего рядом юноши, которого он вез из Дамаска. Это был Хадан Гула, внук его давнишнего партнера Арада Гула, перед которым он оставался в неоплатном долгу. Он хотел бы что-нибудь сделать для его внука, но чем больше он об этом думал, тем сложнее казалась эта задача, причем из-за самого юноши.

Глядя на кольца и серьги молодого человека, Шарру Нада подумал: «Ему кажется, что мужчинам нужны драгоценности, при этом у него волевое лицо его деда. Но его дед не носил таких ярких безвкусных одежд. Тем не менее я позвал его с собой в надежде, что помогу ему начать свое дело и сохранить остатки наследства, которое превратил в руины его отец».

Хадан Гула прервал его мысли.

— Почему ты так много работаешь, постоянно едешь со своим караваном в дальние путешествия? Неужели ты никогда не находишь времени, чтобы насладиться жизнью?

— Насладиться жизнью? — с улыбкой повторил Шарру Нада. — А как бы ты наслаждался жизнью на месте Шарру Нада?

— Если бы у меня было богатство, равное твоему, я бы жил как принц. Я бы никогда не ездил по жаркой пустыне. Я бы тратил монеты, как только они попадут в мой кошелек. Я бы носил самые богатые одежды и самые редкие драгоценности. Вот такая жизнь мне по вкусу — жизнь, которую стоит прожить.

Оба рассмеялись.

— Твой дед не носил драгоценностей, — вырвалось у Шарру Нада. Потом он шутливо продолжил: — Ты совсем не оставишь времени для работы?

— Работа создана для рабов, — ответил Хадан Гула.

Шарру Нада закусил губу, но ничего не ответил и ехал молча, пока дорога не привела их на склон. Здесь он остановил коня и указал на зеленую долину, раскинувшуюся вдалеке.

— Видишь, вот долина внизу. Смотри дальше, и сможешь разглядеть стены Вавилона. Башня — это храм Ваала. Если у тебя зоркий глаз, ты даже увидишь дым от вечного огня на ее верхушке.

— Так это и есть Вавилон? Всегда мечтал увидеть самый богатый город в мире, — заметил Хадан Гула. — Вавилон... Здесь мой дед заложил основы своего состояния. Если бы он был жив... Мы бы не оказались в таком бедственном положении.

— Зачем желать, чтобы его дух задержался на земле сверх отпущенного ему времени? Ты и твой отец вполне можете продолжить его доброе дело.

— Увы, ни у кого из нас нет его дара. Мы с отцом не знаем секрета привлечения золотых монет.

Шарру Нада ничего не ответил, но отпустил поводья и в задумчивости стал спускаться по тропе в долину. За ними в облаке красноватой пыли следовал караван. Через некоторое время они выехали на царскую дорогу и поехали на юг через орошаемые уголья.

Внимание Шарру Нада привлекли трое стариков, пахавших поле. Они показались ему странно знакомыми.

Какая нелепость! Не может быть, чтобы через сорок лет ты проехал по полю и увидел на нем тех же пахарей. И все же внутренний голос говорил Шарру Нада, что это именно они. Один из них неуверенно держал плуг. Остальные с трудом ковыляли рядом с волами и слабыми ударами деревянных палок заставляли их тянуть плуг.

Как он завидовал этим людям сорок лет назад! С какой радостью он поменялся бы с ними местами! Но какая теперь разница! Он с гордостью оглянулся на свой караван, на своих прекрасных верблюдов

и ослов, нагруженных ценными товарами из Дамаска. Все это было лишь небольшой частью его имущества.

Он указал на пахарей и сказал:

— Все еще пахут то же поле, что и сорок лет назад.

— Они просто похожи. Почему ты думаешь, что это те же самые?

— Я видел их там, — ответил Шарру Нада. Воспоминания стремительно пронесли в его голове.

Почему он не может похоронить прошлое и жить настоящим? Затем он увидел, словно на картине, улыбающееся лицо Арада Гула. Барьер между ним и ехавшим рядом циничным юношей исчез.

Но как он мог помочь этому надменному юнцу с его тягой к расточительству и кольцами на пальцах?

Он мог предложить любую работу тем, кто хотел трудиться, но тому, кто считает, что слишком хорош для работы, ему нечего было предложить. И все же он обязан что-то сделать ради Арада Гула, а не принимать полумеры. Они с Арадом Гула никогда ничего не делали впосилы. Не такие они были люди.

План возник почти мгновенно. Не все в нем было гладко. Он должен думать о своей семье и своем положении. План будет жестоким, причинит боль. Будучи

человеком быстрых решений, он отбросил сомнения и решил действовать.

— Тебе интересно узнать, как мы с твоим достойным дедом начали наше дело, которое оказалось таким прибыльным? — спросил он.

— Почему бы просто не рассказать мне, как ты заработал золотые монеты? Это все, что мне нужно знать, — парировал юноша.

Не обращая внимания на его ответ, Шарру Нада продолжал:

— Начнем с этих пахарей. Я тогда был не старше, чем ты сейчас. Когда колонна, в которой я шел, приблизилась к ним, старый добрый земледелец Мегиддо, прикованный ко мне цепью, стал насмехаться над тем, как они плохо работают плугом.

«Посмотрите на этих лентяев, — возмущался он. — Тот, что держит плуг, даже не пытается пахать глубже, а эти, с палками, не могут удержать волов в борозде. Как они собираются вырастить хороший урожай, если пахать толком не умеют?»

— Ты сказал, Мегиддо был прикован к тебе? — удивленно спросил Хадан Гула.

— Да, на шеях у нас были бронзовые ошейники, и мы были прикованы друг к другу тяжелой цепью. Рядом с ним шел Забадо, который воровал овец. Я знал

его еще в Харруне. Последним в нашем ряду двигался человек, которого мы назвали Пиратом, потому что он не сказал нам своего имени. Мы приняли его за моряка, так как на его груди были вытатуированы переплетенные змеи по морскому обычаю. Мы шли по четыре человека в колонне.

— Ты был закован в цепи, как раб? — недоверчиво спросил Хадан Гула.

— Разве дед не говорил тебе, что я когда-то был рабом?

— Он часто рассказывал о тебе, но об этом даже намека не было.

— Ему можно было доверить самые сокровенные тайны. Тебе я тоже могу доверять, верно? — Шарру Нада посмотрел ему прямо в глаза.

— Ты можешь рассчитывать на мое молчание, но я поражен. Расскажи, как ты стал рабом?

— Любой человек может оказаться рабом, — пожал плечами Шарру Нада. — Игрный дом и ячменное пиво довели меня до беды. Я стал жертвой неосмотрительности моего брата. В драке он убил своего друга. Отец, отчаянно пытавшийся спасти брата от судебного преследования, отдал меня в залог вдове убитого. Когда отец не смог собрать достаточно серебра, чтобы освободить меня, она сгоряча продала меня работоторговцу.

— Нехорошо! Какая несправедливость! — возмутился Хадан Гула. — Но скажи мне, как ты обрел свободу?

— К этому мы еще вернемся, но не сейчас. Давай я расскажу тебе мою историю дальше. Когда мы проходили мимо, пахари стали издеваться над нами. Один из них снял свою потрепанную шляпу, низко поклонился и крикнул:

«Добро пожаловать в Вавилон, гости царя. Он ждет вас на городских стенах, где вам закатят пир из глиняных кирпичей и лукового супа». — При этих словах они разразились громким смехом.

Пират пришел в ярость и обругал их последними словами.

«Что эти люди имели в виду, когда сказали, что царь ждет нас на стенах?» — спросил я его.

«Мы идем на городские стены, чтобы таскать кирпичи, пока спину не надорвем. А может, они забьют тебя до смерти раньше, чем ты надорвешь спину. Меня они бить не будут. Я их убью».

Тогда в разговор вступил Мегиддо:

«С какой стати хозяева будут избивать до смерти старательного, работающего раба? Хозяева любят трудолюбивых рабов и хорошо с ними обращаются».

«Кому охота много работать? — заметил Забадо. — Эти пахари — умные ребята. Они себе спины не ломают. Просто работают, как будто так и надо».

«Если будешь отлынивать от работы, ничего не добьешься, — возразил Мегиддо. — Если ты вспашешь гектар, значит, ты хорошо поработал, и любой хозяин это знает. Но если ты вспашешь только половину, это уже разгильдяйство. Я не разгильдяйствую. Я люблю трудиться и хорошо делать свое дело, потому что работа — это лучший друг, которого я когда-либо знал. Она дала мне все хорошее, что у меня было: мою ферму, коров, урожай — все».

«Да, и где все это теперь? — усмехнулся Забадо. — По-моему, лучше быть хитрее и обойтись без работы. Вот увидите, когда нас продадут для работы на стенах, Забадо будет носить бурдюки с водой или делать что полегче, а те, кто так любит работать, будут гнуть спину, таская кирпичи». — Он глупо захихикал.

В ту ночь меня охватил ужас. Я не мог заснуть. Пока остальные спали, я пробрался к ограждению и окликнул Годозо, который нес первую караульную вахту. Он был из тех разбойников-арабов, которые, отобрав у тебя кошелек, считают, что заодно надо и горло тебе перерезать.

«Скажи, Годозо, — прошептал я, — когда мы придем в Вавилон, нас продадут для работы на стенах?»

«Зачем тебе знать?» — осторожно спросил он.

«Неужели ты не понимаешь? — умолял я. — Я молод. Я хочу жить. Я не хочу сломать себе спину тяжким трудом или чтобы меня забили до смерти на стенах. Есть у меня хоть какой-нибудь шанс попасть к хорошему хозяину?»

«Я тебе скажу кое-что, — прошептал он в ответ. — Ты хороший парень, не доставляешь Годозо хлопот. Обычно мы первым делом идем на невольничий рынок. А теперь слушай. Когда придут покупатели, скажи им, что ты хороший работник, готов усердно трудиться для хорошего хозяина. Сделай так, чтобы они захотели тебя купить. Не выйдет — на следующий день будешь таскать кирпич. Очень тяжелая работа».

Когда он ушел, я лег на теплый песок и, глядя на звезды, стал думать о работе.

Мегиддо сказал, что работа была его лучшим другом. Интересно, станет ли она лучшим другом и для меня? Конечно, если поможет мне выбраться из этой ситуации.

Когда Мегиддо проснулся, я шепотом пересказал ему хорошие новости. Это был наш единственный лучик надежды, пока мы шагали в сторону Вавилона.

Ближе к вечеру мы подошли к стенам и увидели вереницы людей, которые, словно черные муравьи, карабкались вверх и вниз по крутым наклонным дорожкам. Подойдя ближе, мы были поражены при виде тысяч работающих людей: одни копали ров, другие месили глину и делали кирпичи. Но больше всего рабов таскали кирпичи в больших корзинах по крутым дорожкам наверх к каменщикам*.

Надсмотрщики осыпали бранью медлительных рабов и хлестали кожаными кнутами по спинам отстающих. Мы видели, как бедные, измученные люди шатались и падали под тяжестью корзин, не в силах подняться. Если плетью не удавалось поставить их на ноги, их отталкивали в сторону от дорожки и оставляли корчиться в муках. Потом их стаскивали вниз, чтобы вместе с другими трупами положить в неосвященные могилы у дороги. Увидев это жуткое

* Знаменитые сооружения древнего Вавилона, его стены, храмы, висячие сады и большие каналы были построены трудом рабов, в основном военнопленных, что объясняет бесчеловечное обращение с ними. Среди них были и многие жители Вавилона и его окрестностей, проданные в рабство за преступления или из-за финансовых проблем. Для мужчин было обычным делом предлагать себя, жен или детей в залог, чтобы гарантировать выплату ссуд, выполнение судебных решений или других обязательств. В случае невыполнения обязательств заложников продавали в рабство. *Прим. авт.*

зрелище, я содрогнулся. Так вот что ожидает сына моего отца, если он потерпит неудачу на невольничьем рынке.

Годозо был прав. Нас провели через городские ворота в тюрьму для рабов, а на следующее утро отправили в загоны на рынке. Здесь рабы сжимались от страха, и только кнуты охранника могли заставить их двигаться, чтобы покупатели могли их осмотреть. Мы с Мегиддо охотно разговаривали с каждым, кто позволял нам обратиться к нему.

Работорговец привел солдат из царской гвардии, которые заковали Пирата в кандалы, а когда тот попытался сопротивляться, жестоко избили его. Когда его уводили, мне стало жаль его.

Мегиддо чувствовал, что мы скоро расстанемся. Когда рядом не было покупателей, он вел со мной серьезные беседы, стараясь внушить мне, насколько ценной станет для меня работа в будущем:

«Некоторые люди ненавидят ее. Делают ее своим врагом. Лучше относиться к ней как к другу, заставить себя полюбить ее. Не беда, что это трудно. Если думаешь о том, какой хороший дом ты строишь, то какая разница, что бревна тяжелы и воду для штукатурки приходится носить далеко от колодца. Обещай мне, парень: найдешь хозяина — будешь

работать на него изо всех сил. Если он не оценит всего, что ты делаешь, не бери в голову. Помни: работа, выполненная хорошо, приносит пользу человеку труда. Она делает его лучше». — Он замолчал, когда к загону подошел дородный крестьянин и критически оглядел нас.

Мегиддо стал задавать ему вопросы о его хозяйстве и посевах, быстро убедив его, что он будет ценным работником. После ожесточенного торга с работником крестьянин достал из-под туники толстый кошелек, и вскоре Мегиддо последовал за своим новым хозяином и скрылся из вида.

За утро было продано еще несколько человек. В полдень Годозо по секрету сообщил мне, что торговец страшно недоволен и не хочет оставаться еще на одну ночь, поэтому на закате отведет всех, кто остался, к царскому купцу. Я уже был на грани отчаяния, когда к стене подошел толстый добродушный человек и спросил, нет ли среди нас пекаря.

Я подошел к нему и сказал:

«Зачем такому хорошему пекарю, как ты, искать другого пекаря похуже? Не проще ли научить твоим искусным приемам такого человека, как я, который хочет знать новое? Посмотри на меня: я молод, силен и готов работать. Дай мне шанс, и я сделаю все, что